

УДК 82-1 (470.67)
ББК 84 Р1-5 (2 Рос. Дар)

МОЙ ДАГЕСТАН*

(извлечения)

Гамзатов Расул Гамзатович,
великий поэт Дагестана, России,
Советского Союза

MY DAGESTAN

(recovery)

Gamzatov R.G.,
the great poet of Dagestan, Russia,
Soviet Union

НАРОД

«Скажи, Америка такая же большая страна, как и наша? У них больше населения или у нас?» – так спрашивала моя мать в 1959 году, когда я возвратился из Америки.

Умеющий веселиться без шума и звона,
Умеющий плакать с сухими глазами,
Умереть умеющий без жалкого стога –
Таков человек, рожденный горами.

В ночное окно в тихом, спящем ауле, может быть, в дождь, может быть, в хорошую погоду, раздается короткий стук.

– Эй, есть там мужчина? Седлай коня!

– А ты кто?

– Если спрашиваешь «кто», оставайся дома. От тебя толку не будет.

И опять: стук, стук.

– Эй, есть там мужчина в доме? Седлай коня!

– Куда? Зачем?

– Если спрашиваешь «куда», «зачем», оставайся дома. От тебя толку не будет.

В третий раз раздается стук.

– Эй, есть там мужчина в доме? Седлай коня!

– Сейчас. Я готов.

Вот мужчина, вот горец! И поехали они вдвоем. Стук, стук. «Есть там мужчина? Седлай коня». И вот их уже не двое, не трое, не десять, а сотни и тысячи. К орлу прилетел орел, за человеком пошел человек. Так и образовался народ Дагестана. Ущельные ветры качают люльки, горные реки поют колыбельные песни:

– Где ты был, Дингир-Дангарчу?

– В лес ходил Дингир-Дангарчу.

Родился сын – под подушку положили кинжал. На кинжале надпись: «У отца была рука, в которой я не дрожал, будет ли у тебя такая?»

Родилась девочка, на колыбель повесили колокольчик с надписью: «Будешь сестра семи братьев».

Качаются в ущельях зыбки на веревках, перекинутых с одной скалы на другую. Растут сыновья, растут и дочери. Вырос народ Дагестана, выросли у него усы, можно закручивать.

И стало дагестанского народа один миллион и сто тысяч. Пошла о нем слава по отдаленным горам,

* Печатается по изданию: Гамзатов, Р.Г. Мой Дагестан: проза. – Махачкала: ИД «Эпоха», 2011. – С. 207-244.

обожгла эта слава ненасытные сердца завоевателей, потянулись к Дагестану жадные руки.

Дагестанцы говорили: «Оставьте нас в покое у наших домашних очагов, с родителями и женами. Нас и так мало».

Враги отвечали: «Если вас мало, то разрубим каждого из вас надвое, и вас будет больше».

Начались войны.

Загорелся, запылал Дагестан. На склонах гор, в ущельях, в скалах погибло сто тысяч лучших сынов Дагестана, самых молодых, крепких, отважных.

Но остался миллион. А ветры по-прежнему качали колыбели, не умолкали колыбельные песни. Выросло сто тысяч новых дагестанских сынов. Дали им имена погибших героев. И тогда на Дагестан надвинулось нашествие арабов.

Была великая битва, и был от битвы великий шум. Отсеченные головы катились по ущельям, словно камни. Погибло сто тысяч лучших сынов Дагестана. Сто тысяч воинов, сто тысяч пахарей, сто тысяч женихов, сто тысяч отцов.

Но остался миллион, и не перестали качаться люльки, не смолкли колыбельные песни:

– Где ты был, Дингир-Дангарчу?

– В лес ходил Дингир-Дангарчу.

Выросло новых сто тысяч, и пришел тогда из Ирана шах над шахами, смертоподобный Надир. Он собирался покорить мир, а уж с Дагестаном хотел расправиться одним ударом. «Дуну на них и сдую, как пыль». Раскинул он шатры. «Неужели эти мыши собираются воевать против моих котлов?» – так еще говорил шах над шахами перед началом битвы. Но в конце ее он сказал: «Все свое войско готов сменять на одного их героя Муртузали».

Много красивых слов говорил шах Надир. Но не по мычанию узнают силу быка, а во время дела. По ветру пустили горцы шаха над шахами, погнали его войско, как ветер гонит золу, обильно полили своей и чужой кровью бесплодную, выжженную Чохскую долину. С тех пор в Иране есть поговорка: «Если шах глуп, то он пойдет завоевывать Дагестан».

Я видел в Тегеране золотой трон шаха Надира, привезенный из Индии. Я видел его добычу из разных стран, я видел его кривой меч.

– Эта маленькая вещь держала в повиновении и страхе полмира, – сказали мне иранские друзья.

– Но не сумела дотянуться до маленького Дагестана.

В Мешхете стены музея шаха Надира расписаны стихами прославленных поэтов Ирана, восхвалявших шаха на все лады. Но и дагестанский народ триста лет поет песню об этом шахе:

Бегите, спасайтесь, мы вас не убьем,

Мы вас не прикончим на месте,

Чтоб вы рассказали о бегстве своем,

Мы вас оставляем для вести.

В Иране считают, что шах Надир объединил разрозненные народы и создал могучее Иранское государство. Может быть, оно так и есть. Но я к этому добавил бы, что он помог объединиться и разрозненным дагестанским народам, нашим сердцам. Их объединила общая ненависть к шаху-завоевателю.

В войне с шахом Дагестан потерял сто тысяч лучших своих сынов. Погибли чабаны, охотники, каменотесы, чеканщики, землепашцы, поэты...

Но остался миллион. Качались люльки, пели песни, джигиты увозили своих возлюбленных, согревались под одной буркой, обнимались, продолжали род Дагестана. Народилось сто тысяч новых сынов и дочерей, сто тысяч серпов, кинжалов, пандуров, бубнов.

Тогда началась еще одна война. В ущельях и на каменистых дорогах загремели пушки. В лесах на склонах гор застучали топоры. Засверкали штыки, засвистели пули.

От Урала до Дуная,

До большой реки,

Колыхаясь и сверкая,

Двигутся полки.

Веют белые султаны,

Как степной ковыль,

Мчатся пестрые уланы,

Подымая пыль.

Боевые батальоны

Тесно в ряд идут,

Впереди несут знамены,

В барабаны бьют.

Батареи медным строем

Скачут и гремят,

И дымясь, как перед боем,

Фитили горят.

И испытанный трудами

Бури боевой,

Их ведет, грозя очами,

Генерал седой.

Идут все полки могучи,

Шумны, как поток,

Страшно медленны, как тучи,

Прямо на Восток.

И томим зловещей думой,

Полный черных снов,

Стал считать Казбек угрюмый –

И не счел врагов...

Да, трудно было их сосчитать. В наших песнях поется, что приходилось выходить одному на сто. «Отрубали руку – дрались другой рукой, отрубали голову – тела продолжали драться, – рассказывали о той войне старики. – Убитыми конями перегора-

живали дороги и ущелья, с высоких скал прыгали на штыки. Нам говорили: хватит лить кровь. Сопrotивление бесполезно. Куда вы денетесь? У вас нет крыльев, чтобы взлететь в небо. У вас ведь нет таких когтей, чтобы зарыться в землю».

Но Шамиль отвечал:

– Есть крыло – моя сабля. Наши когти – наши кинжалы, наши стрелы.

Двадцать пять лет дрались горцы во главе с Шамилем. В те годы изменился не только внешний облик Дагестана, но даже названия мест и рек. Авар-Койсу стала называться Кара-Койсу, то есть Черной рекой. Появились Раненые скалы, Ущелье смерти, прославилась река Валерик, остались в народной памяти тропа Шамиля, дорога Шамиля, танец Шамиля.

Трагическим венцом войны стала гора Гуниб. На ее вершине последний раз молился имам. Во время молитвы в поднятую руку попала пуля. Не вздрогнул Шамиль и продолжал свой намаз. Кровь обрызгала колени имама и каменную плиту, на которой он стоял. Раненый имам довел до конца свою молитву. Когда он встал, приближенные сказали ему:

– Ты ранен, имам.

– Эта рана – пустяк. Она заживет. – Шамиль сорвал пучок травы и стал вытирать кровь с руки. – Дагестан истекает кровью. Ту рану залечить труднее. В этот самый тяжелый час имам призвал к себе на помощь своих храбрецов, давно уж взятых могилой. И тех, которые сложили головы на Ахульго, и тех, которые погибли в Хунзахе, и тех, которые остались лежать в каменистой земле близ аула Салты, и тех, которые похоронены в Гергебиле, и тех, которые пали в Дарго.

Он вспомнил своего одноаульца и предшественника, первого имама Кази-Магомеда, хромого Хаджи-Мурата, Алибекилава, Ахбердилава и многих еще храбрецов. Кто без головы, кто без руки, кто с простреленным сердцем, лежат они в дагестанской земле. Война – это значит смерть. Сто тысяч лучших дагестанских сынов.

А Шамиль, пересекая великую Россию, все еще твердил:

– Мал Дагестан, мал наш народ. Мне бы еще хоть капельку сабель.

В Верхнем Гунибе сохранился камень, на котором есть надпись: «На сем камне восседал князь Барятинский, принимая пленного Шамиля».

– Напрасны же были все твои старания, вся твоя борьба, – сказал Барятинский своему пленнику.

– Нет, не напрасны, – ответил Шамиль. – Память о ней сохранится в народе. Многих кровников моя борьба делала братьями, многие враждовавшие между собой аулы она объединила, многие народы

Дагестана, враждовавшие между собой и твердившие «мой народ», «моя нация», она слила в единый дагестанский народ. Чувство родины, чувство единого Дагестана я завоевал и оставляю своим потомкам. Разве этого мало?

Я спросил у отца:

– Почему арабы, Тимур, шах Надир шли на нас, проливали кровь, сеяли зло и ненависть? Зачем им нужен был Дагестан, похожий на волчонка, не познавшего нежности и ласки?

– Я расскажу тебе притчу об одном очень богатом человеке. Да, он был очень богат. Когда он поднялся на холм, то увидел, что вся долина от подножия гор до берега моря заполнена его отарами. Не видно конца и его рогатым стадам, и его резвым табунам. Весь воздух был наполнен блеянием ягнят. И возрадовалось сердце богатого человека, что вся земля – его земля и весь скот на земле – его.

Но вот взгляд богача упал вдруг на клочок земли, оставшийся свободным и пустым от его стад. И заняло тогда его сердце, будто кто нанес ему глубокую рану. Разгневался богач и закричал грозным голосом: «Эй! Что там за клочок земли, похожий на облысевшую шкуру? Неужели у меня не хватит овец, чтобы заполнить его?! Гоните туда отары, гоните стада!»

Но больше всего отец любил рассказывать о самом Шамиле. Например, о том, как Шамиль победил смелого разбойника. Однажды имам со своими мюридами приехал в какой-то аул. Старейшины аула встретили его враждебно. Они сказали:

– Нам надоела война. Мы хотим жить мирно. Если бы не ты, мы давно бы помирились с царем.

– Эй вы, что были раньше горцами! Вы что же, хотите есть дагестанский хлеб, а служить его врагам? Разве я нарушил ваш мир и покой? Я его защищаю.

– Имам, мы ведь тоже дагестанцы, но мы видим, что эта война ничего хорошего Дагестану не дает и не даст. На одном упрямстве далеко не уедешь.

– Вы дагестанцы? По месту вы и правда живете в Дагестане, но сердца у вас заячьи. Вам нравится ворошить угли в очаге, когда Дагестан истекает кровью. Откройте ворота! Или мы их откроем саблями!

Долго переговаривались аульские старейшины с имамом, наконец решили впустить его и принять мирно как высокого и почетного гостя. За это Шамиль дал им слово не убить ни одного человека в этом ауле и не вспоминать о старых грехах. Он остановился в сакле верного своего кунака и жил тут несколько дней, ведя переговоры со старейшинами аула.

В то время в самом ауле и в его окрестностях промышлял ужасный разбойник, великан более чем двухметрового роста. Он грабил всех подряд, отнимал зерно, скот, коней, убивал и запугивал жителей аула. Для него не было ничего святого. Аллах, царь и имам были для него пустые слова.

Тогда старейшины аула обратились с просьбой к Шамилю:

- Имам, освободи нас от этого разбойника.
- Но что я с ним должен сделать?
- Убить, имам, убить. Он же сам многократный убийца.

– Я дал слово вашему джамаату не убивать в этом ауле ни одного человека. Слово надо держать.

- Имам, найди способ, освободи нас от злодея!

Через несколько дней мюриды Шамиля окружили разбойника, поймали и связали его, а приведя в аул, посадили в подвал. Чтобы наказать преступника по заслугам, собрался специальный суд-диван. Постановили выколоть бандиту глаза. Слепив, снова посадили злодея в подвал, под замок.

Прошло несколько дней. Однажды ночью, ближе к рассвету, когда Шамиль спал крепким сном, раздался в его комнате шум и грохот. Имам вскочил, огляделся. Видит, что, раскрошив топором дверь, надвигается на него гора – звероподобный человек, похожий на дэва, рычащий, извергающий проклятия. Имам понял: разбойнику удалось каким-то образом убежать из-под замка и теперь он пришел отомстить.

Гигант надвигался скрипя зубами. В одной руке он держал огромный кинжал, в другой – топор. Имам тоже схватил свой кинжал. Он звал мюридов, но разбойник успел зарубить их. Аул спал. Никто не слышал зова имама.

Отступая, Шамиль ловил удобный момент, чтобы напасть на противника, а тот сослепу прыгал туда и сюда, метался и махал топором. Он разворотил топором все, что было в комнате.

– Где же ты, храбрец, о котором рассказывают книги? – кричал гигант. – Где ты прячешься? Иди, свяжи мне руки, поймай меня, выколи мне глаза.

– Я здесь! – громко крикнул имам и тотчас отскочил в сторону. Топор врезался глубоко в стену как раз в том месте, где секундой раньше стоял Шамиль. Тогда он улучил минуту, прыгнул на своего врага. Тот был сильнее, лютее. Начал кидать и швырять Шамиля, успел несколько раз поранить. Но ловкость и быстрота Шамиля всякий раз выручали, ему удавалось избежать смертельного ранения. Борьба длилась около двух часов. Наконец разбойник схватил Шамиля, поднял над головой и хотел ударить об пол, а потом и отрубить голову. Но поднятый в воздух Шамиль изловчился и успел ударить несколько раз

кинжалом по голове разбойника. Тот внезапно сник, ослабел, закачался и рухнул, как кирпичная башня. Кинжал выпал из его рук. Утром нашли их обоих в луже крови. У Шамиля оказалось девять ран, и ему целый месяц еще пришлось лечиться в том ауле.

Борьба Шамиля с могущественным внешним противником во многом напоминала эту драку. Противник в незнакомых ему горах иногда действовал как бы вслепую. Шамиль же ловко увертывался от ударов и внезапно нападал то сбоку, то сзади. У каждого горца, наверное, есть свой образ Шамиля. Я тоже вижу его по-своему.

Он еще молод. На плоской скале Ахульго, припав на колени, он воздел в небо руки, только что омытые волной Аварской Койсу. Рукава черкески засучены. Губы шепчут какое-то слово – некоторые утверждают, что, когда во время молитвы он шептал «аллах», слышалось людям – «свобода», а когда он шептал «свобода», слышалось людям – «аллах».

Он уже стар. На берегу Каспия он навсегда прощается с Дагестаном. Он пленник белого царя. Он поднялся на камни и окинул взглядом кипящие воды Каспия. Губы его вместо «аллах» и «свобода» шепчут «прощай». Говорят, что на щеках его видели в тот час капли влаги. Но ведь Шамиль никогда не плакал. Возможно, это были морские брызги.

И все же ярче всего он представляется мне, по рассказу отца, в тесной сакле один на один с разъяренным разбойником, в длительной и кровавой борьбе.

С Хаджи-Муратом они жили то в мире, то в ссоре. Много легенд существует о них, много былей.

Возведя Хаджи-Мурата в сан наиба, Шамиль послал его в Хайдак и Табасаран, чтобы привлечь их на свою сторону, вернее, чтобы вовлечь их в войну. Он надеялся, что Хаджи-Мурат будет действовать убеждением, однако новый наиб навел в Хайдаке и Табасаране порядок кнута и огня. Если кто осмеливался заикаться о законе, Хаджи-Мурат показывал свой кулак и говорил: «Вот ваш закон. Я Хаджи-Мурат из Хунзаха. Я и есть для вас главный закон».

До Шамиля дошли слухи о жестокостях Хаджи-Мурата. Он послал гонца и вызвал наиба к себе. Тот вернулся с большой добычей. Его отряд гнал впереди себя стада рогатого скота, отары овец, табуны лошадей. Сам Хаджи-Мурат держал поперек седла похищенную красавицу.

– Ассалам алейкум, имам! – приветствовал Хаджи-Мурат своего вожда, сходя с коня.

– Ваалейкум ассалам, наиб. С приездом тебя. С чем хорошим приехал?

– Не с пустыми руками. Есть серебро, есть отары, есть кони, есть ковры. Хорошо ткнут ковры в Табасаране.

– А красавицы не найдется?

– Есть и красавица. Да еще какая! Для тебя привез, имам.

Воины некоторое время смотрели в глаза друг другу. Потом Шамиль сказал:

– Скажи, с этой красавицей, что ли, я пойду воевать? Мне нужны не овцы, а люди. Мне нужны не кони, а всадники. Ты угнал у них скот. Но этим ты ранил их сердца и отворотил от нас. Они должны были стать нашими воинами, заменить убитых и раненых. А кем их теперь заменишь? Разве случилось бы с нами то, что случилось в Салты и Гергебиле, если бы хайдакцы и табасаранцы были с нами? И разве допустимо, чтобы одни дагестанцы разоряли других дагестанцев?

– Имам, но другого языка они не понимали!

– А ты постарался сам понять их язык? Если бы понял, то обошлось бы без кнута и огня. Разве разбойники мои наибы?

– Имам, я – Хаджи-Мурат из Хунзаха!

– Я тоже – Шамиль из Гимры. А Кебед-Магомед из Телетля, а Гусейн из Чиркея. Ну и что из того? Аварцы, хиндаляльцы, кумыки, лезгины, лакцы, ограбленные тобой хайдакцы и табасаранцы – все мы сыновья одного Дагестана. Мы должны понимать друг друга. Ведь мы – пальцы одной руки. Для того, чтобы получился кулак, все пальцы должны крепко-крепко соединиться. За храбрость спасибо тебе, Хаджи-Мурат. За это ты достоин любой награды. Твоя голова увенчана чалмой. Но теперь я тебя не одобряю.

– Когда другие в таких же чалмах грабили, ты ничего им не говорил, имам. Теперь, где бы гром ни гремел, все на мою голову.

– Я знаю, кого ты имеешь в виду, Хаджи-Мурат: Ахбердилава, моего сына Кази-Магомеда или даже меня самого. Но Ахбердилава ограбил в Моздоке нашего врага. Я отнял добро у ханов, которые не хотели идти вместе с нами и даже пытались противостоять нам. Нет, Хаджи-Мурат. Чтобы быть наибом, недостаточно иметь смелое сердце и острый кинжал. Надо иметь еще хорошую голову.

Такие споры часто возникали между Шамилем и Хаджи-Муратом. Эти распри раздувались, преувеличивались молвой, и в конце концов злая вражда разделила их. Хаджи-Мурат покинул Шамиля, ушел на другую сторону, лишился головы. Тело его погребено в Нухе. Знаменательное разделение: голова досталась врагу, а сердце осталось в Дагестане. Какая судьба!

ГОЛОВА ХАДЖИ-МУРАТА

Отрубленную вижу голову
И боевые слышу гулы,

А кровь течет по камню голому
Через немирные аулы.

И сабли, что о скалы точены,
Взлетают, видевшие виды.
И скачут вдоль крутой обочины
Кавказу верные мюриды.

Спросил я голову кровавую:
«Ты чья была, скажи на милость?
И как, увенчанная славою,
В чужих руках ты очутилась?»
И слышу вдруг:
«Скрывать мне нечего,
Я голова Хаджи-Мурата,
И потому скатилась с плеч его,
Что заблудилась я когда-то.

Дорогу избрала не лучшую,
Виной всему мой нрав тщеславный...»
Смотрю на голову заблудшую,
Что в схватке срублена неравной.

Тропинками, сквозь даль простертыми,
В горах рожденные мужчины, –
Должны живыми или мертвыми
Мы возвращаться на вершины.

Перевел Я. Козловский

Увезли имама из Дагестана. Настроили крепостей с амбразами во все стороны. Пушки и ружья смотрели из амбразур. Они хотя и не стреляли, но как бы говорили: «Смирно сидите, горцы, ведите себя хорошо и тихо».

В печальной доле племя этих гор,
В печальной доле реки, звери, птицы,
Казалось, нет дороги на простор
И только в смерти выход из темницы.

«Земля дикарей», – сказал один губернатор, уезжая из Дагестана. «Они живут не на земле, а в пропасти», – писал другой.

«Этим диким туземцам и та земля, что есть, – лишняя», – утверждал третий.

Но даже в то глухое время звучали голоса Лермонтова, Добролюбова, Чернышевского, Бестужева-Марлинского, Пирогова... Да, были в царской России люди, понимавшие душу горца, сказавшие добрые слова о народе Дагестана. Если бы горцы могли тогда понять их язык!

Вечный снег на горах Дагестана,
Вечной ночи над ним темнота, –
сказал некогда Сулейман Стальский, глядя на родную землю.

«С тех пор, как Дагестан посадили в темницу, все месяцы года имеют по тридцать одному дню», – писал некогда мой отец.

«Горы, мы с вами сидим в подвале», – сказал некогда Абуталиб.

«От такого горя и тур грустит в горах», – пела некогда Анхил Марин.

«Об этом мире и думать нечего. У кого жирнее хинкалы, у того больше и славы», – махнул рукой Махмуд.

«Счастья нигде нет», – сделал вывод, объездив весь мир, кубачинец Ахмед Мунги.

Но Ирчи Казак писал: «Мужчина Дагестана везде должен оставаться мужчиной Дагестана».

Но тот же Батырай писал перед смертью: «Пусть у храбрых не рождаются робкие сыновья».

Но тот же Махмуд пел:

Если тур заплутался в горах, где темно,

Иль тропу, или смерть он найдет все равно.

Но тот же Абуталиб сказал: «Этот мир вот-вот загремит. Пусть же он загремит громче».

И пришло время – раздался гром. Ударило далеко, не сразу докатилось до Дагестана, но все уже было разделено на две части зримой красной чертой: история, судьбы, жизнь каждого человека, все человечество. Гнев и любовь, мысль и мечты – все разделилось надвое.

– Загремело!..

– Где загремело?

– По всей России.

– Что загремело?

– Революция.

– Чья революция?

– Детей трудового народа.

– Ее цель?

– Кто был ничем, тот станет всем.

– Ее цвет?

– Красный.

– Ее песни?

– «Это есть наш последний и решительный бой».

– Ее армия?

– Все голодные и горестные. Великая армия труда.

– Ее язык, нация?

– Все языки, все нации.

– Ее глава?

– Ленин.

– Что говорит Революция горцам Дагестана?

Переведите нам. Герои и певцы перевели на все наречия Дагестана язык революции:

«Веками угнетенные народы Дагестана! В наши дома, на наши поля по извилистым горным тропинкам пришла великая Революция. Слушайте ее и служите ей. Она говорит вам слова, которых вы никогда не слышали. Она говорит:

– Братья! Новая Россия подает вам свою руку. Принимайте ее, сплетайтесь с нею в крепком рукопожатии, в ней ваша сила и ваша вера.

– Дети ущелий и гор! Открывайте окна в большой мир. Начинается не день новый, а новая судьба. Идите навстречу этой судьбе!

– Теперь вы не обязаны гнуть спину перед сильными. Отныне на вашего коня не сядет чужой. Теперь ваши кони – ваши кони, ваши кинжалы – ваши кинжалы, ваши поля – ваши поля, ваша свобода – ваша свобода».

Так перевели язык «Авроры» на языки народов Дагестана. Его перевели Махач, Уллубий, Оскар, Джелал, Кази-Магомед, Магомед-Мирза, Гарун и другие мюриды революции, хорошо знавшие горести Дагестана.

И пошел Дагестан навстречу своей судьбе. Горцы приняли цвет и песни революции. Но испугались ее враги. Это над их головами загремел гром, под их ногами зашаталась земля, перед ними вскипело море, за их спинами обрушились скалы. Затрясся и рухнул старый мир. Разверзлась глубокая пропасть.

– Дайте руку! – взмолились враги революции, называвшие себя друзьями Дагестана.

– Ваши руки в крови.

– Постой, не уходи, оглянись, Дагестан!

– А на что оглядываться, что позади? Нищета, ложь, темнота и кровь.

– Маленький Дагестан! Куда ты?

– Искать большое.

– Окажешься ты как маленький челнок в большом океане. Пропадешь. Исчезнут твой язык, твоя религия, твои адаты, твоя папаха, твоя голова! – угрожали они.

– Я привык ходить по тесным тропинкам. Теперь, на широкой дороге, неужели сломаю ногу? Слишком долго я искал этот путь. Ни один волос не упадет с моей головы.

– Дагестан – вероотступник. Он погибает. Спасите Дагестан! – каркали вороны, выли волки. Кричали, угрожали, просили, убивали, обманывали. Кто только не кидал камня в зажженный фонарь! Кто только не пытался сжечь великий мост! Знамя сменялось знаменем, разбойник сменялся разбойником. Словно шубу в зимнюю холодную ночь, тянули друг у друга, рвали в клочья маленький Дагестан. А он метался, как тур, освобожденный от цепи. Каждый с жадностью хищника кинулся ловить его для себя. Какие только охотники не стреляли в него!

«Я, имам Дагестана Нажмудин Гоцинский, избран народом у Андийского озера. Моя сабля ищет папаху, увенчанную красным лоскутом материи!»

«Братья по религии, мусульмане! Идите за мной. Это я поднял зеленое знамя ислама», – так

говорил зычным голосом другой человек. Его звали Узун-Хаджи.

«Пока я не вздерну на жердь голову последнего большевика и не выставлю ее на самой высокой горе Дагестана, я не повешу свое оружие на гвоздь!» – шумел князь Нухбек Тарковский.

Как раз в тот год в Хунзахе построил себе дворец полковник царской армии Кайтмаз Алиханов. Он позвал одного горца, чтобы показать ему новое жилище. Довольный собой и дворцом, Кайтмаз спросил:

– Ну как, хорош мой дворец?

– Для умирающего человека даже слишком хорош, – ответил горец.

– Зачем мне умирать?

– Революция...

– Ее я в Хунзах не пущу! – сказал полковник Алиханов и вскочил на белого скакуна.

«Я Саидбей – родной внук имама Шамиля. Пришел сюда от турецкого султана, чтобы с помощью его аскеров освободить Дагестан», – так заявил еще один пришелец, а с ним были всевозможные турецкие паши и беи.

«Мы – друзья Дагестана», – кричали интервенты, и на земле Дагестана высадился британский десант.

«Дагестан – это ворота Баку. И я на этих воротах повешу крепкий замок!» – хвалился полковник царской армии Бичерахов и разрушил Порт-Петровск.

Много было непрошенных гостей. Чья только грязная лапа не рвала рубаху на груди Дагестана! Какие знамена здесь не промелькнули! Какие ветры не крутились! Какие волны не разбивались о камни!

«Если ты не покоришься, Дагестан, мы столкнем тебя в море и утопим!» – грозили пришельцы.

В то время мой отец писал: «Дагестан похож на животное, которое со всех сторон клюют птицы».

Была стрельба, был огонь, была кровь, дымились скалы, горел хлеб, разорялись аулы, болезни косили людей, крепости переходили из рук в руки. И длилось все это четыре года.

«Продав поле, покупали коня, продав корову, покупали саблю», – говорили тогда горцы.

Ржали лошади, теряя всадников. Вороны клевали глаза убитых.

Отец сравнивал Дагестан того времени с камнем, через который с шумом протекло множество разных рек. А мать сравнивала его с рыбой, плывущей против многих бурных потоков.

Абуталиб вспоминает: «Каких только зурнистов не повидала наша страна!» Сам он был зурначом партизанского отряда.

Сейчас перьями пишут ту повесть, ту историю, которая была уже написана саблями. Сейчас,

изучая те дни, взвешивают на весах и славу и подвиги. Оценивая героев, ученые спорят между собой, можно даже сказать, воюют. Но герои отговаривали. И мне, право, не важно, кто был первым, кто вторым, а кто третьим. Важно другое: революция вложила свой кинжал в ножны, полой черкески стерев кровь последнего убитого врага. И горец из этого кинжала уже выковал серп. Свой острый штык он воткнул между камней на откосе. Налегая на соху, начал пахать свою землю, понукая, погнав своих быков, нагрузил на арбу сено со своего поля.

Водрузив красное знамя на вершине горы, Дагестан закрутил усы. Из чалмы лжеимама Гоцинского он сделал пугало, а самого имама покарала революция. Перед судом взмолился Гоцинский: «Белый царь в живых оставил Шамиля. Волос не упал с его головы. Почему же вы меня убиваете?»

Дагестан и революция ему ответили: «Такому, как ты, Шамиль тоже отрубил бы голову, он говорил: «Предателю лучше находиться в земле, чем на земле». Да, кара свершилась, и ни одна гора не содрогнулась, никто не заплакал, никто не установил на его могиле каменного надгробья.

Через Цунтинские леса бежал на своем белом коне Кайтмаз Алиханов. Бежали с ним и два его сына. Но их настигли красные партизанские пули. Белый конь полковника, понурившись, хромя на одну ногу, вернулся в крепость Хунзах. – По неверной дороге пустили они тебя, – сказал бедному животному Муслим Атаев. – И Дагестан хотели пустить по такой же дороге.

Прогнали и Бичерахова. В волнах Каспия утопили его разрозненные отряды. «Аминь», – сказали волны, смыкаясь над ними. «Аминь», – сказали и горы, – пусть в ад попадут те, кто на земле творил ад».

В Стамбуле я пошел на базар. Окружавшие меня бывшие аварцы показали мне там одного старика, шедшего сквозь толпу. Он был похож на мешок, из которого высыпали зерно.

– Он – Казимбей.

– Какой Казимбей?

– Тот, который приходил в Дагестан с войсками султана.

– Неужели он еще жив?

– Тело, как видите, живо. Нас познакомили.

– Дагестан... Знаю я эту страну, – сказал дряхлый старик.

– Вас в Дагестане тоже знают, – сказал я.

– Да, я там был.

– Еще приедете? – спросил я нарочно.

– Больше не приеду, – сказал он и поспешил за свой прилавок. Неужели этот мелкий торговец на

стамбульском базаре забыл, как он в Касумкенте прямо в поле убил трех мирных землепашцев? Неужели он не вспомнил скалу в горах, с которой бросилась юная горянка, лишь бы не попасть в руки его янычар? Неужели не вспомнил этот торговец, как к нему из сада привели мальчонку, как он отобрал у него вишню и косточкой плюнул прямо ему в глаза? Но, во всяком случае, не забыл он, как бежал в нижнем белье и как горянка крикнула ему вслед: «Эй, вы забыли папаху!»

Бежали из Дагестана грабители. Бежали британские десантники. Бежал Казимбей, бежал Саидбей, внук Шамиля.

– Где сейчас Саидбей? – спросил я в Стамбуле.

– Уехал в Саудовскую Аравию.

– Зачем?

– По торговым делам. Там у него есть немного земли.

Торговцы! Не пришлось вам поторговать в Дагестане. Революция сказала: «Базар закрыт». Кровавой метлой вымела она из горской земли всю нечисть. Теперь лишь чахлые тела «защитников и спасителей Дагестана» бродят где-то в чужих краях.

Несколько лет тому назад в Бейруте состоялась конференция писателей стран Азии и Африки. Меня тоже послали на эту конференцию. Приходилось иногда выступать не только на конференции, но и в других местах, куда нас приглашали. На одном таком вечере я рассказывал о своем Дагестане, о его людях, обычаях, читал стихи разных дагестанских поэтов и свои.

После вечера на лестнице меня остановила молодая красивая женщина. – Господин Гамзатов, можно ли поговорить с вами, не уделите ли вы мне немножко времени?

Мы пошли по вечерним улицам Бейрута.

– Расскажите о Дагестане. Пожалуйста, все, – просила моя неожиданная спутница.

– Но я только что рассказывал целый час.

– Еще, еще!

– А что вас интересует больше?

– О, все! Все, что касается Дагестана!

Я начал рассказывать. Мы брели наугад. Не давая мне еще закончить, она просила:

– Еще, еще.

Я рассказывал.

– Прочтите свои стихи на аварском языке.

– Но вы же ничего не поймете!

– Все равно.

Я читал стихи. Чего не сделаешь, когда просит молодая красивая женщина. К тому же в ее голосе чувствовался такой искренний интерес к Дагестану, что отказать было нельзя.

– А не споете ли вы аварскую песню?

– О нет. Петь я не умею.

«Сейчас заставит меня танцевать», – подумалось мне.

– Хотите, я вам спою?

– Сделайте милость.

В это время мы вышли к морю, зеленовато освещенному яркой луной. И вот в далеком Бейруте неизвестная мне красавица на непонятном языке запела для меня дагестанскую песню «Далалай». Но когда она запела вторую песню, я понял, что поет она на кумыкском языке.

– Откуда вы знаете кумыкский язык? – удивился я.

– К сожалению, я его не знаю.

– Но песня...

– Этой песне меня научил мой дедушка.

– Он что, был в Дагестане?

– Да, в некотором роде он бывал.

– Давно?

– Видите ли, мой дед – Нухбек Тарковский.

– Полковник?! Где он сейчас?

– Жил в Тегеране. В этом году умер. Умирая, он все время просил меня петь ему эту песню.

– О чем она?

– О перелетных птицах... Он меня научил и одному дагестанскому танцу. Смотрите!

Женщина вся засветилась, как молодая луна, она легко вскинула руки и поплыла по кругу, словно лебедь по озеру.

Потом я попросил ее еще раз спеть песню о перелетных птицах. Она и перевела мне слова. Придя в гостиницу, я по памяти записал песню, но уже переводя на аварский язык.

Да, в Дагестан пришла весна. Но я все думаю: какое отношение имеет князь Нухбек Тарковский к этой песне о перелетных птицах? Зачем ему, живущему в шахском Тегеране, вспоминать солнце красных гор, ему, полковнику, который бежал от революционного края и от мести Дагестана? Как он мог испытать чувство тоски по родине?

Сначала, живя в Иране, Тарковский говорил: «То, что произошло со мною и с Дагестаном, – ошибка судьбы, и я вернусь туда, чтобы исправить эту ошибку». Он и вместе с ним другие эмигранты каждый день ходили на берег Каспия, чтобы узнавать новости из Дагестана. Но они видели каждый раз, что на мачтах кораблей, плывущих по Каспию, полощутся красные флаги. Осенью, глядя на летящих с севера птиц, тоскующая его жена пела песни. Пела она и эту песню о перелетных птицах. И сначала князю Тарковскому эта песня очень не нравилась.

Шли годы. Выросли дети. Состарился полковник. Он понял, что навеки лишен Дагестана. Он

понял, что Дагестану предназначена другая судьба, что страна эта сама выбрала для себя единственный и правильный путь. И тогда престарелый князь тоже запел песню о перелетных птицах.

Отец говорил:

– Дагестан не пойдет с теми, кто не пошел с Дагестаном.

Абуталиб добавлял:

– Кто сел на чужого коня, тот быстро свалится. Наш кинжал не идет к чужому покрою одежды.

Сулейман Стальский писал:

«Я был подобен клинку, зарытому в землю. Советская власть вытащила меня, отчистила от ржавчины, и я заблестал».

Отец еще говорил:

– Хоть мы и всегда были горцами, но только сейчас поднялись на вершину горы.

Абуталиб добавил:

– Дагестан, выходи из подвала!

Моя мать пела, качая люльку:

Спи спокойно, мир в горах настал,

Выстрелов не слышно среди скал.

– Самый короткий месяц февраль, а какой важный, – говорил также Абуталиб, – в феврале свергли царя, в феврале образовалась Красная Армия, в феврале Ленин принял делегацию горцев.

В то время в далеком ауле Ругуджа женщины сложили песню о Ленине:

Ты первым пришел и людьми нас назвал,

Оружье победное в руки нам дал,

Как гуси, услышав орла, разлетаются прочь,

От Ленина-солнца развеялась темная ночь.

У маленького народа большая судьба. Поют дагестанские птицы. Звучат слова сынов революции. О них говорят дети. Имена их высечены на могильных камнях. Но у иных героев не известны могилы.

Я люблю тихой ночью бродить по улицам столицы Дагестана. Когда читаю названия улиц, мне кажется, снова заседают ревкомы республики. Махач Дахадаев! Слышу я его голос: «Мы – борцы революции. Языки наши, имена наши, характеры наши – разные. Но у всех нас есть одно общее: верность революции и Дагестану. Никто из нас не пожалеет ни крови, ни жизни ради революции и Дагестана».

Махача убили разбойники из отряда князя Тарковского.

Уллубий Буйнакский. Слышу его голос: «Враги меня убьют. Убьют они и моих друзей. Но сжатые в единый кулак наши пальцы никакому врагу не удастся разжать. Этот кулак тяжел и верен, потому что его сжали беды Дагестана и идеи революции. Он схватит за горло угнетателей. Знайте об этом».

Молодого дагестанского коммуниста, двадцативосьмилетнего Уллубия убили деникинцы. Они убили его в пустыне. Теперь там растут маки.

Слышу я голос Оскара Лещинского, Кази-Магомеда Агасиева, Гаруна Саидова, Алибека Багатырова, Сафара Дударова, Солтан-Саида Казбекова, отца и сына Батырмурзаевых, Омарова-Чохского... Их много, убитых. Но каждое имя – это огонь, звезда, песня. Все они герои, оставшиеся вечно молодыми. Они наши дагестанские Чапаевы, Щорсы, Шаумяны. Они погибли в Ахтах, в ущелье Ая-Кака, у Касумкентского потока, за стеной Хунзахской крепости, в сожженном Хасавюрте, в древнем Дербенте. В Араканском ущелье нет камня, который не обагрено кровью дагестанских комиссаров. В Мочохских кряжах была расставлена западня для отряда Багатырова. Видели кровь Темир-Хан-Шура, Порт-Петровск и все четыре Койсу, куда теперь бросают цветы в память о погибших. Погибли сто тысяч дагестанцев – коммунистов и партизан. Но другие народы узнали о Дагестане. Миллионы друзей протянули руки красному Дагестану. Познав тепло этих дружеских рук, дагестанцы сказали: «Теперь нас немало».

Война не рождает людей. Но в огне революционных боев родился новый Дагестан.

13 ноября 1920 года был созван Первый чрезвычайный съезд дагестанских народов. На съезде от имени правительства РСФСР выступил Сталин. Он объявил автономию стране гор – Дагестану. Новое имя, новый путь, новая судьба.

Вскоре дагестанский народ получил подарок. Ленин прислал свою фотографию с надписью: «Красному Дагестану». Кубачинские златокузнецы и унцукульские краснодеревщики создали невиданную рамку для этого портрета. В этом же году из махачкалинского порта вышел новый пароход – «Красный Дагестан». Но и сам Дагестан походил теперь на могучий корабль, вышедший в большое новое плавание.

«Утренняя звезда». Так называли первый дагестанский журнал. Пришло в Дагестан утро. Открылись окна в широкий мир.

В трудные дни гражданской войны, когда в горах хозяйничали отряды Гоцинского, мой отец получил письмо от однокашника по медресе.

В письме бывший соученик рассказывал о Нажмудине Гоцинском и о его войсках. В конце письма отец прочитал: «Нажмудин недоволен тобой. Мне показалось, что он очень хотел бы, чтобы ты обратился к горской бедноте со стихами, где рассказал бы правду об имаме. Я взял на себя обязанность связаться с тобой и обещал ему, что ты это сделаешь. Про-

шу тебя, исполни мою просьбу и желание имама. Нажмудин ждет твоего слова».

Отец ответил: «Если ты взял на себя такое обязательство, то ты и пиши стихотворение о Нажмудине. Что касается меня, то я не намерен проводить воду к его мельнице. Вассалам, вакалам...»

В то же время большевик Магомед-Мирза Хизроев вызвал отца в Темир-Хан-Шуру и предложил сотрудничать в газете «Красные горы». В этой газете и было опубликовано стихотворение отца «Обращение к горской бедноте».

Отец писал о новом Дагестане, он сотрудничал в газете «Красные горы». Шло время. У Магомеда-Мирзы Хизроева родилась дочка. Позвали отца, чтобы он выбрал ей имя. Высоко подняв девочку, отец провозгласил:

– Загъра!

Загъра – это значит звезда.

Родились новые звезды. Росли дети, носящие имена погибших героев. Весь Дагестан стал похож на большую колыбель.

Каспийские волны пели ему колыбельные песни. Огромная страна склонилась над Дагестаном, как над ребенком.

А мама пела тогда песни о ласточках, о травах, прорастающих из-под камней, о цветах, расцветающих осенью. Под эти колыбельные напевы выросли в нашем доме три сына и одна дочь.

И вновь выросли в Дагестане сто тысяч сыновей и дочерей. Выросли землепашцы, скотоводы, садоводы, рыбаки, каменотесы, чеканщики, агрономы, врачи, учителя, инженеры, поэты, артисты. Поплыли корабли, полетели самолеты, загорелись невиданные доселе лампы.

– Теперь я стал хозяином большого богатства, – сказал Сулейман Стальский.

– Теперь я в ответе не только за аул, но и за всю страну, – сказал мой отец.

– Мои песни, летите в Кремль! – воскликнул Абуталиб.

Новые поколения создавали новые черты народа.

Великая Страна Советов – могучее дерево. Дагестан – ветка на нем.

И вот, чтобы это дерево выкорчевать, чтобы сжечь его ствол и его ветки, напали на нас фашисты.

В тот день жизнь должна была идти своим чередом. В Хунзахе – воскресный базар. В крепости – выставка достижений сельского хозяйства района. Отряд молодежи пошел штурмовать вершину Седло-горы. Аварский театр готовил к постановке пьесу моего отца «Сундук бедствий». Вечером должна была состояться премьера.

Но утром открылся такой сундук бедствий, что все остальные бедствия пришлось забыть. Утром началась война.

Тотчас потянулись из разных аулов цепочки мужчин и молодых людей, вчера еще мирных пастухов и земледельцев, а сегодня защитников Родины. Старушки, дети и женщины стояли на крышах всех дагестанских аулов и долго глядели вслед уходящим. И уходили надолго, многие навсегда. Только и слышалось:

– Прощай, мама.

– Будь здоров, отец.

– До свидания, Дагестан.

– Счастливой дороги вам, дети, возвращайтесь с победой. Из Махачкалы, как бы отделяя горы от моря, идут и идут поезда. Они увозят молодость, силу, красоту Дагестана. Эта сила понадобилась всей стране. Слышалось то и дело:

– До свидания, невеста.

– Прощай, жена.

– Не оставляй меня, я хочу с тобой.

– Вернемся с победой!

Идут поезда. Идут непрерывные поезда.

Вспоминаю родное педучилище. У братской могилы жертв революции выстроен конный дагестанский полк. Им командует красный партизан, прославленный Кара Караев. Суровые, сосредоточенные лица. Полк принимает присягу.

Девяностолетний горец перед уходящим полком произносит речь:

– Жалко, что мне сегодня не тридцать лет. Но и я могу отправиться вместе с тремя сыновьями.

Потом появились: эскадрилья истребителей «Дагестан», танковая колонна «Шамиль», бронепоезд «Комсомол Дагестана». Отцы и дети воюют в одном ряду. Военская доблесть снова засветилась над горами. Браслеты, серьги, пояса, кольца, подарки женихов, мужей и отцов, серебро и золото, драгоценные камни, старинное искусство Дагестана наши женщины отдали большой стране, чтобы она ковала победу.

Да, ушел на фронт Дагестан. Он воевал вместе со всей страной. В каждой воинской части, у моряков, у пехотинцев, у танкистов, у летчиков, у артиллеристов – всюду можно было встретить дагестанца: стрелка, пилота, командира, партизана. Со всех обширных фронтов стекались в маленький Дагестан скорбные письма.

В нашем ауле Цада семьдесят саклей. Почти столько же юношей ушло на войну. Мама говорила во время войны: «Я часто вижу во сне, будто все наши цадинские ребята собираются на Нижней поляне». Иногда, увидев звезду в небе, она говорила: «Наверно, эту звезду видят сейчас и наши аульские

парни где-нибудь около Ленинграда». Когда с севера прилетали к нам перелетные птицы, моя мама спрашивала: «Не видали ли вы наших цадинских ребят?»

Горянки, читая письма, слушая радио, заучивали наизусть непонятные и трудные для них слова: Керчь, Брест, Корсунь-Шевченковский, Плоешти, Констанца, Франкфурт-на-Майне, Бранденбург. Особенно путались горянки в двух названиях – Бухарест и Будапешт, – удивляясь, что это два разных города. Да, где только не побывали юноши из аула Цада!

В сорок третьем году мы с отцом поехали в город Балашов. Там в госпитале умер мой старший брат. На берегу маленькой речки мы нашли могилу и прочитали надпись: «Магомед Гамзатов».

Отец посадил на могиле деревце, русскую березу. Он сказал:

«Расширилось теперь наше цадинское кладбище. Большим теперь стал наш аул».

Цадинское кладбище...

В саванах белых,
Соседи, лежите вы, скрытые тьмой.
Вернулся домой я из дальних пределов,
Вы близко, но вам не вернуться домой.

В ауле осталось друзей маловато,
В ауле моем поредела родня...
Племянница – девочка старшего брата,
Сегодня и ты не встречала меня.

Что стало с тобой – беззаботной, веселой?
Года над тобою текут как вода.
Вчера твои сверстницы кончили школу,
А ты пятиклассницей будешь всегда.

И мне показалось нелепым и странным,
Что в этом краю, где вокруг никого,
Зурна моего земляка Бияслана
Послышалась вдруг у могилы его.

И бубен дружка его Абусамата
Послышался вновь, как в далекие дни,
И мне показалось опять: как когда-то,
На свадьбе соседа гуляют они.

Нет... здесь обитатели не из шумливых,
Кого ни зови, не ответят на зов...
Цадинское кладбище – край молчаливых,
Последняя сакля моих земляков.

Растешь ты, свои расширяешь границы,
Теснее надгробьям твоим что ни год.

Я знаю, в пределах твоих поселиться
Мне тоже когда-нибудь время придет.

Сходиться, куда б ни вели нас дороги,
В конечном итоге нам здесь суждено,
Но здесь из цадинцев не вижу я многих,
Хоть знаю, что нет их на свете давно.

Солдат молодых и седых ветеранов
Не дома настигла кромешная тьма.
Где ты похоронен, Исхак Биясланов,
Где ты, мой товарищ Гаджи-Магома?

Где вы, дорогие погибшие братья?
Я знаю, не встретиться нам никогда.
Но ваших могил не могу отыскать я
На кладбище в нашем ауле Цада.

На поле далеком сердца вам пробило,
На поле далеком вам руки свело...
Цадинское кладбище, как ты могилы,
Могилы свои далеко занесло!

И нынче в краях, в холодных и жарких,
Где солнце печет и метели метут,
С любовью к могилам твоим не аварки
Приносят цветы и на землю кладут.

Перевел Н. Гребнев

У нас в ауле в сельсовете на стене висела во время войны большая карта. Тогда по всей стране много висело таких карт. Обычно на них отмечали красными флажками линию фронта. На нашей карте тоже были флажки, но обозначали они другое. Они были воткнуты в тех местах, где погибли наши цадинцы. Много было флажков на карте. Столько же, сколько и материнских сердец, раненных этими острыми булавами.

Да, не маленьким оказалось цадинское кладбище, не маленьким оказался наш аул.

Тоскующие матери ходили к гадалкам, гадалки успокаивали горянок: «Вот дорога. Вот огонь. Вот победа. Вернется к тебе твой сын. Наступит мир и покой».

Хитрили гадалыщицы. Но насчет победы они не ошиблись. На стене рейхстага среди прочих есть и такая надпись, вырезанная штыком: «Мы из Дагестана».

Снова старики, женщины и дети стояли на крышах саклей и глядели вдаль. Но теперь они не провожали, а встречали своих орлов. На горных дорогах не было верениц людей. Уходили все сразу, а возвращались поодиночке. У некоторых женщин на головах яркие, а у некоторых черные платки. Спрашивают чужие матери у тех, кто вернулся:

- А где мой Омар?
- Не видал ли моего Али?
- Скоро ли вернется мой Магомед?

И моя мать повязалась черным платком. Не вернулись Магомед и Ахильчи, два ее сына, два моих брата. Не вернулись многие из тех, кого видела мать в своих окнах играющими на Нижней поляне. Не вернулись те, кому гадалыщицы предсказывали скорое возвращение. Сто человек не вернулись в наш небольшой аул. Сто тысяч человек не вернулись домой по всему Дагестану...

Смотрю на флажки на карте, читаю названия мест, вспоминаю имена моих земляков. В Баренцевом море остался Магомед Гаджиев. В Симферополе – танкист Магомед-Загид Абдулманапов. В Сталинграде погиб пулеметчик Ханпаша Нурадилов, чеченец, но сын Дагестана. В Италии командовал партизанами и погиб храбрец Камалов...

В каждом горном ауле стоят пирамидные памятники, а на них имена, имена, имена. Горек сходит с коня, подъезжая к ним, пеший снимает папаху.

Журчат в горах родники, носящие имена погибших. Старики сидят около родников, потому что они понимают язык воды. В каждом доме на почетном месте висят портреты тех, кто навсегда останется молодым и красивым.

Когда я возвращаюсь из какой-нибудь далекой поездки, некоторые матери спрашивают меня с застенчивой надеждой: «Не встретился ли тебе случайно мой сын?» С надеждой и болью глядят они и на журавлей, пролетающих длинными стаями. Я тоже, когда они пролетают, не могу оторвать от них глаз.

СЛОВО

Аварское слово «миллат» имеет два значения: нация и забота. «Кто не заботится о нации, тот не может заботиться и обо всем мире», – говорил мой отец.

«Должна ли нация заботиться о том, кто не заботится о нации?» – спрашивал Абуталиб.

«У кур, у гусей, у крыс, кажется, не бывает нации, но у людей она должна быть», – так говорила моя мама.

Бывает одна нация и две республики, как у наших соседей осетин. Бывает одна республика и срок наций.

«Целая гора языков и народов», – сказал о Дагестане какой-то путник.

«Тысячеголовый дракон», – говорили о Дагестане враги.

«Многоветвистое дерево», – говорят о Дагестане друзья.

«Хоть днем с огнем иди по всему миру, не найдешь на земле такого места, где было бы так мало народу и так много народностей», – говорили путешественники.

Абуталиб шутил:

– Мы очень помогли развиваться грузинской культуре.

– Что ты говоришь? У них тысячелетняя культура. Шота Руставели жил восемьсот лет назад, а мы только вчера научились писать. Как же могли мы им помочь?

– А вот как. У нас в каждом ауле свой язык. Грузины, наши соседи, решили эти языки изучать и сравнивать. Те, кто их исследовал, писали о них статьи, научные книги, стали учеными, кандидатами, докторами. Разве было бы у них столько докторов, если бы во всем Дагестане был только один язык? То-то вот и оно.

Да, пишутся и будут писаться всевозможные книги о грамматике, синтаксисе, фонетике, лексике дагестанских языков. Тут есть над чем поработать. Приходите, ученые, хватит и вам, и вашим детям.

Ученые спорят. Одни говорят: в Дагестане столько-то языков, другие говорят – столько-то. Одни говорят – языки возникли так, а другие говорят – эдак. Много противоречивого в их рассуждениях и доказательствах.

А я знаю только то, что у нас на одной арбе могут ехать люди, говорящие на пяти языках, а если остановятся на перепутье пять арб, то услышишь и тридцать языков.

Когда подпольную организацию во главе с Уллубием Буйнакским расстреляли – их было шесть человек, – они перед смертью выкрикнули проклятье врагам на пяти разных языках:

Кумык Уллубий Буйнакский.
Аварец Саид Абдулгалимов.
Даргинец Абдул-Вагаб Гаджиев.
Кумык Меджид Али-оглы.
Лезгин Абдурахман Исмаилов.
Русский Оскар Лещинский.

У дагестанского писателя Магомеда Сулиманова есть пятнадцать веселых рассказов о пятнадцати Магомедах пятнадцати разных дагестанских народностей. Рассказы так и называются «Пятнадцать Магомедов».

Русский писатель Дмитрий Трунов написал очерк о колхозе, в котором работают люди тридцати двух народностей.

В блокноте Эффенди Капиева записано, как он и еще три дагестанских писателя – Сулейман Стальский, Гамзат Цадаса и Абдула Магомедов – ехали в

поезде в одном купе в Москву на Первый съезд писателей СССР. Ехали они трое суток, все народные поэты Дагестана, а поговорить друг с другом не могли. У каждого свой язык. Объяснялись жестами и мимикой, Кое-как понимали друг друга.

Рассказывая о своей партизанской жизни, Абу-талиб вспоминает: «За одним котелком толокна говорили на двадцати языках. Один мешок муки делили на двадцать народностей».

Есть у нас Нижний Дженгутай и Верхний Дженгутай. Расстояние между ними три километра. В Нижнем Дженгутае язык кумыкский, а в Верхнем Дженгутае язык аварский.

Даргинцы говорят, что в Мегебе живут даргинцы, аварцы говорят, что в Мегебе живут аварцы. А что же говорят сами жители Мегеба? Они говорят: мы не даргинцы и не аварцы. Мы – мегебцы. У нас свой мегебский язык! Отойдешь от Мегеба на семь километров, попадаешь в Чох. С мегебским языком туда не ходи, в Чохе свой, особый язык.

Говорят, потому так долго и надежно хранились секреты кубачинских золотокузнецов, что никто не мог понять их языка. И захочешь разболтать секрет, да кому разболтаешь?

И еще рассказывают о том, как хунзахский хан послал в Гидатли своего лазутчика, чтобы тот прислушивался ко всем разговорам на их годеканах и базарах, чтобы узнать, о чем думают гидатлинцы.

Лазутчик возвратился быстрее, чем нужно.

– Все узнал?

– Ничего не узнал.

– Как же так?

– Каждый разговаривает на своем языке. Нам их языки непонятны.

Один горец влюбился в красивую девушку. Решил написать ей три заветных слова: «Я тебя люблю», – но не в письме, а там, где девушка ходит и где она могла бы увидеть его признание: на скале, на тропинке к роднику, на стене ее дома, на своем пандуре. И в этом не было бы беды. Но взбрело влюбленному в голову написать эти три слова на всех языках, которые только есть в Дагестане. С этой целью он вышел в путь. Он думал, что путешествие его будет недолгим, но оказалось, что в каждом ауле эти слова говорят по-своему.

Дие мун йокьула (аварский).

Заз вун кIанда (лезгинский).

Ттун ина ччай бура (лакский).

ХIу наб ригулра (даргинский).

Мен сени сюемен (кумыкский).

Узуз уву ккундузуз (табасаранский).

Ме туьре хосденуьм (татский).

А там еще ботлихцы, чохцы, цумадинцы, цунтинцы...

Говорят, до сих пор все бродит по горам этот влюбленный, давно вышла замуж его возлюбленная, давно состарилась, а наш рыцарь все пишет свои слова.

– Не знаешь ли, как по-вашему сказать: «Я тебя люблю»? – спросил старик у юноши.

Тогда юноша обнял стоявшую рядом с ним девушку и ответил:

– Вот так говорят о любви на моем языке.

Всякая маленькая птичка, всякий цветок, всякий ручеек имеют в Дагестане десятки названий.

По Конституции у нас восемь главных народностей: аварцы, даргинцы, кумыки, лезгины, лакцы, таты, табасаранцы, ногайцы.

Выпускаем мы пять литературных альманахов на пяти языках. Они называются «Дуствал», «Дослукъ», «Гьалмагъдеш», «Гьудултъи», «Дусшиву». Впрочем, у всех у них одно общее название – «Дружба».

На девяти языках издаются в Дагестане книги. Но на скольких языках поют песни? У каждого ковра свой узор. На каждой сабле своя надпись.

Но как получилось на одной руке столько пальцев? Как возникло в одном Дагестане столько языков?

Пусть ученые объясняют это по-своему. А мой отец рассказывал так: «Ехал по земле посланник аллаха на муле и раздавал из огромного хурджуна всем народам их языки. Китайцам дал китайский язык. Побывал у арабов и дал им арабский язык. Грекам дал греческий, русским – русский, французам – французский. Разные были языки: один певучий, другой твердый, третий красочный, четвертый нежный. Народы радовались такому дару и тотчас начинали говорить, каждый на своем языке. Благодаря своим языкам люди лучше узнавали друг друга, а народ лучше узнавал другой, соседний народ.

Вот доехал на своем муле этот человек до нашего Дагестана. Только что он вручил язык грузинам, на котором потом напишет Шота Руставели свою поэму, только что облагодетельствовал осетин их осетинским языком, на котором будет писать Коста Хетагуров. Дошла очередь и до нас.

Но случилось так, что в горах Дагестана в тот день гуляла снежная буря. Снег крутился в ущельях и поднимался до неба, ничего не было видно – ни дорог, ни жилья. Слышно только, как во мгле свистит ветер, обрушиваются временами скалы да еще гремят четыре реки, четыре наших Койсу.

– Нет, – сказал раздаватель языков, у которого уже и усы начали леденеть, – не буду я карабкаться по этим скалам, да еще в такую погоду.

Взял он свой хурджун, в котором на дне лежали еще пригоршни две нерозданных языков, да и высыпал все языки на наши горы.

– Берите кто какой хочет, – сказал он и возвратился к Аллаху.

Высыпанные языки подхватила буря, начала носить и метать по ущельям и скалам. Но тут выскочили из своих домов все дагестанцы. Торопясь и отталкивая друг друга, побежали они навстречу благодатному золотому дождю, которого ждали тысячелетиями. Начали хватать, собирать драгоценные зерна, кому какое досталось. Каждый тогда раздобыл себе свой родной язык. Убежали горцы со своей добычей в сакли дожидаться, пока не кончится буря.

Утром встают: на земле солнышко, снега как не бывало. Глядят – гора! Теперь это уже – «гора». Ее можно назвать по имени. Глядят – море! Теперь это уже – «море». Его можно назвать по имени. Все, что ни попадает на глаза, все можно теперь называть. Радость какая! Вот – хлеб, вот – мама, вот – сакля, вот – очаг, вот – сын, вот – сосед, вот – люди.

Высыпали все люди на улицу, крикнули хором: «Гора!» Слышат – получилось у всех по-разному. Крикнули хором: «Море!» Получилось у всех по-разному. Так и пошли с тех пор аварцы, лезгины, даргинцы, кумыки, таты, лакцы... А все это с тех пор называется Дагестан. Отделились люди от овец, от волков, от лошадей, от кузнечиков... Говорят, «коню немножко не хватило, чтобы он сделался человеком».

Но посланник Аллаха! Зачем испугался ты тогда снежной бури и крутых гор? Зачем высыпал нам языки не глядя? Что ты наделал! Людей, которые духом, сердцем, нравами, обычаями, образом жизни так близки, ты разделил, разъединил языками.

Ну да ладно, и на том спасибо. А плохих языков не бывает. В остальном мы как-нибудь разберемся сами. Найдем дорогу друг к другу, сделаем так, чтобы разные языки, в конечном счете, не разъединяли, а объединяли нас.

Потом налетели на нас и хромой Тимур, и арабы, и шах иранский, и все норовили навязать нам свой язык. Но оттого, что трясли нашу руку, пальцы не оторвались, оттого, что трясли наше дерево, ветки не обломались.

«Как родную землю, надо беречь язык», – сказал Шамиль.

«Слова – те же пули, попусту их не трать», – добавил Хаджи-Мурат.

«Когда умирает отец, он оставляет сыновьям в наследство дом, поле, саблю, пандур. Но поколение, уходя, оставляет другим поколениям в наследство язык. У кого есть язык, тот построит себе дом, вспашет поле, откует саблю, настроит пандур и сыграет на нем», – так говорил мой отец.

Родной мой язык! Не знаю, доволен ли ты мной, но я тобой живу и тобой горжусь. Как светлая вода

родника стремится из темных глубин на солнце, где зелень, так слова родного языка стремятся из сердца к моей гортани. Губы шепчут. Вслушиваюсь в свой собственный шепот, вслушиваюсь в тебя, мой язык, и кажется мне, что рокошет в теснине сильная горная река, пробивает себе дорогу. Люблю я рокот воды. Люблю я и звон булата, когда два кинжала, вынутые из ножен, бьются друг о друга. И это все есть в моем языке. Люблю я также шепот любви.

Трудно мне, мой родной язык, сделать так, чтобы все знали тебя. Как богат ты звуками, как много их у тебя, так трудно неаварцу научиться произносить их, но как сладко их произносить, если умеешь! Вот хотя бы простенький счет до десяти: цо, кIиго, лъабгго, ункъго, шуго, анлъго, анкъго, микъго, ичIго, анцIго. Когда я встречаю человека, который на аварском языке может правильно сосчитать до десяти, я сравниваю это с мужеством, нужным, чтобы перейти разлившуюся реку от одного берега до другого, держа на плече огромный валун. Если сумеешь считать до десяти правильно, то сумеешь и дальше. Теперь ты уже умеешь и плавать. Смело иди вперед.

Что говорить о людях других национальностей! Даже нашим аварским детям старики говорили: «Попробуй без запинки, подряд три раза скажи: «Къода гъоркъ къверк къвакъвадана». Это значит: «Под мостом квакала лягушка». Всего четыре слова, а бывало, мы, аульские ребята, целыми днями тренировались, чтобы правильно и быстро произнести эту фразу.

Абуталиб умел говорить по-аварски, он послал своего сына к нам в аул Цада, чтобы и он научился аварскому языку. Когда сын вернулся, Абуталиб спросил у него:

– На осле катался?

– Катался.

– До десяти считать умеешь?

– Умею.

– Скажи три раза подряд «Къода гъоркъ къверк къвакъвадана».

Сын сказал:

– О, можно считать, что ты укусил свой собственный локоть!

Таковы языки наших аулов, зажатых в теснинах скал. Чтобы записать наше произношение, наши звуки, то есть по-ученому говоря, чтобы дать транскрипцию наших звуков – гортанных и придыхательных, – не нашлось букв ни в одном алфавите. Поэтому, когда создавали нам письменность, пришлось к буквам русского алфавита добавить особые буквы и сочетания букв. Особенно это касается согласных. Вот некоторые из них: гъ, хI, гI, чI, хг, хъ, цIи, къ, кь, лъ, лъль...

Наверное, из-за этих лишних букв всякая аварская книга, будучи переведенной на русский язык, выглядит тоньше. Ее можно сравнить с горцем, который три месяца подряд держал мусульманский пост – уразу.

У Шамиля кто-то спросил:

– Зачем Дагестану так много народностей?

– Чтобы одна могла выручить другую, если та попадет в беду.

Для того, чтобы одна могла поддержать другую, если та запоет песню.

– Ну и что, – спрашивают теперь у меня, – выходили все выручать одного?

– Выходили. Ни один народ не оставался в стороне.

– Ну и что, слаженно пелась песня?

– Слаженно. Родина ведь у нас одна.

Много мелодий, но они составляют одну песню. Есть границы между языками, но нет границы между сердцами. И подвиги разных людей в конце концов слились в один подвиг.

– Но все же, есть ли разница между разными народностями? И какая она?

– На этот вопрос очень трудно ответить.

Говорят про наши народности: одни созданы, чтобы воевать, другие – чтобы ковать оружие, третьи – пасти овец, четвертые – пахать землю, пятые – разводить сады... Но это пустой разговор. У каждого народа есть и воины, и пастухи, и кузнецы, и садоводы. У всех есть и герои, и певцы, и мастера.

Аварцы: Шамиль, Хаджи-Мурат, Гамзат, Махмуд, Махач.

Даргинцы: Батырай, Багатыров, Ахмед Мунги, Рабадан Нуров, Кара Караев.

Лезгины: Сулейман, Эмин, Тагир, Агасиев, Эмиров.

Кумыки: Ирчи Казак, Алим-Паша, Уллубий, Солтан-Саид, Зайнулабид Батырмурзаев, Нухай.

Лакцы: Гарун Саидов, Саид Габиев, Эффенди Капиев, Сурхай, ну, и еще мой друг Абуталиб.

Из многих народностей я вспомнил только те, которые первыми пришли на ум. Из каждой народности я вспомнил только те имена, которые первыми пришли на ум. Но много их у нас – и народностей и славных имен.

Об одних говорят, что они, мол, легкомысленны, о других, что глуповаты, о третьих, что вороваты, о четвертых, что обманщики. По-моему, это все клевета.

В каждой народности встречаются и высокие люди и низкие, и красивые и уроды. Найдешь и вора и клеветника. Но это уж будут сорняки, а не сама народность.

Еще один мой приятель говорил так:

– Я всегда заранее отличу, к какой народности человек принадлежит.

– Как так?

– Очень просто. Люди одной дагестанской народности (не будем ее называть), приехав в Махачкалу, первым делом ищут, где тут ресторан и где можно познакомиться с красивой девушкой. У них три человека заменят шумную компанию, целое застолье. Люди другой народности (тоже не будем называть) спешат в кино, театр, на концерт. Здесь, где трое, там уже оркестр, где пятеро – ансамбль песни и пляски. Третьи – стремятся в библиотеку, стараются поступить в институт, защитить диссертацию. У них, где трое – ученый совет, где пятеро – филиал Академии наук. Четвертые (опять не будем называть) только и думают, как бы купить автомобиль, или хотя бы стать водителем такси, или, на худой конец, устроиться в ГАИ. Этим людям, где трое – автобаза, где пятеро – таксомоторный парк. Пятые предпочитают всему какую-нибудь артель, магазин, базу, столовую или хотя бы ларек. Этим, где трое, там универмаг, где пятеро – промкомбинат.

Но ведь это все говорится только ради шутки. Разве есть народности, у которых мужчины не любили бы красивых девушек или не хотели посидеть в ресторане?

У всех есть свои театры, свои танцы, свои песни. И есть у нас еще и общий для всех народностей ансамбль «Лезгинка». У всех найдутся желающие купить «Волгу» или работать в магазине. Но разве это национальный характер? Абуталиб назвал одну из болезней, о которой раньше и не слышали в Дагестане: пьянство.

Абуталиб сказал так: «Раньше в нашем ауле был один пьяница, и тем он был знаменит, его знали по всей округе. Теперь в нашем ауле один трезвенник. Поглядеть на него как на чудо приходят издалека».

Много еще рассказывает Абуталиб по этому поводу разных историй, но если мы пойдем вслед за его рассказами, то, боюсь, совсем забудем, о чем беседовали. А мы обсуждали, по каким признакам можно отличить человека одной дагестанской народности от другой. Может быть, все-таки – одежда? Форма папахи, манера носить папаху? Но все теперь носят одинаковые пиджаки, одинаковые брюки, одинаковые ботинки, одинаковые кепки или шляпы. Нет, если и осталось что-нибудь, что решительно характеризует народность и отличает ее от другой, так это язык. Причем интересно, что даже когда порусски говорит лезгин или тат, аварец или даргинец, и тогда по одному только акценту, то есть по одному только искажению русского языка можно сразу отличить кумыка от лакца, а лезгина от кумыка.

Аварцы, например, к каждому слову, которое начинается с буквы «с», добавляют в устной речи «и». У них получается: «Истамбул» (Стамбул), «истакан» (стакан), «Истальский» (Стальский), «исон» (сон).

Если же в середине слова попадает звук «и», то они его, наоборот, пропускают: вместо «Сибирь» аварец скажет «Сбирь», вместо «белиберда» – «белберда». После звука «т» мы делаем придыхание, словно бы спотыкаемся: «товарищи» – «тПоварищи».

У даргинцев вместо «о» часто слышится «у» и вместо «ю» тоже слышится «у»: «пучта» (почта), «кушка» (кошка), «лубовь» (любовь). В конце слова «и» они не произносят вообще: «Стальски» вместо Стальский.

Лакцы звук «х» произносят мягко – «хь»: «хьдожник», «хьомут». Абуталиб, например, скажет: «К Хьапалиеву Хьузангай приехьал».

Словом, одни растягивают гласные, другие их сокращают и даже опускают, одни говорят более резко, другие более мягко. Многие вместо «ф» произносят «п».

Однажды мы разговаривали о наших языках в присутствии Абуталиба, и мой собеседник показывал, подражая, разницу в произношении. Абуталиб сначала слушал, а потом прервал и сказал:

– Садись, помолчи. Много ты нам тут всего набарабанил, а теперь я скажу. Недостатки одного человека не надо валить на весь народ. Лес не бывает из одного дерева. И даже из трех деревьев. Даже и сто деревьев – это еще не лес. Вопрос о наших языках – сложный вопрос. Это узел из трех узлов, что получается, когда завяжут мокрую веревку. Одно время считали, что самое простое решение вопроса – сделать вид, что такого вопроса нет. Не говорить о нем, не трогать его – вот и решение! Но он есть. В былые времена ничто другое не заставляло людей так часто схватываться за сабли, как национальная рознь.

Я вспоминаю одну пресс-конференцию, которая проходила в Махачкале. Тридцать восемь корреспондентов, аккредитованных в Москве и представляющих двадцать девять разных государств, приехали в Дагестан. Сначала они ездили по аулам, разговаривали с нашими горцами и горянками, а потом и собрались на пресс-конференцию. Защелкали фотоаппараты, затрещали кинокамеры. Корреспонденты заточили свои карандаши, придвинули чистую бумагу.

Расселись мы все за большим столом, и старшим среди нас оказался Абуталиб. Ему и поручили открывать пресс-конференцию. Абуталиб начал:

– Дамы и господа, товарищи!.. (Это мы научили его, что такими словами нужно открывать конферен-

цию. Ну, а дальше он уже говорил сам). Давайте познакомимся. Вот наш дом. Вот мы сами. Вот наши известные поэты. – Абуталиб указал на портреты, висевшие на стене. С портретов смотрели на гостей: Батырай, Казак, Махмуд, Сулейман, Гамзат, Эффенди...

О каждом из этих поэтов Абуталиб сказал несколько слов: кто к какой народности принадлежит, кто на каком языке писал, чем жил, какой славы достиг. Когда дошла очередь до портрета самого Абуталиба, он, нисколько не смутившись, объяснил:

– А это я сам. Только не думайте, что я пришел за этот стол со стены. Это я на стену попал отсюда, из-за стола.

После этого Абуталиб представил гостям поэтов, сидящих за столом, и добавил:

– Может быть, для некоторых из них найдется место на этой стене. Познакомьтесь: Ахмедхан Абу-бакар, златокузнец из Кубачи, народный писатель Дагестана.

Фазу и Муса. Жена и муж. В одной семье два писателя, два романиста, два поэта, два драматурга. Иногда пишут вместе, иногда отдельно.

Муталиб Митаров – зять аварского народа, табасаранский поэт.

Шах-Эмир Мурадов – «Голубь мира». Лезгинский поэт. Всегда пишет о голубях.

Жамидин – наш сатирик, наш Марк Твен. Одновременно и наш Литфонд.

Анвар – народный поэт Дагестана, главный редактор пяти литературных альманахов.

Трунов – русский писатель, живущий в Дагестане.

Хизгил Авшалумов – татский писатель, пишущий на родном языке и на русском.

Представляя дальше гостям дагестанских писателей, Абуталиб заставил подняться Бадави, Сулеймана, Сашу Грача, Ибрагима, Алирзу, Меджида, Ашуга Рутульского. Он ознакомил гостей с редактурами литературных альманахов, а потом сказал:

– Законами гостеприимства нам запрещено спрашивать имена гостей...

Но тут все гости встали по очереди и представились: кто из какой страны, кто из какой газеты.

После чего начались вопросы и ответы, как и полагается на пресс-конференции.

Вопрос: «У вас столько языков, столько народностей, настоящее вавилонское столпотворение. Как же вы понимаете друг друга?»

Абуталиб отвечает: «Те языки, на которых мы говорим, – разные, те языки, которые во рту, – одинаковые. (Положив руку на сердце). Оно хорошо понимает. (Дергая себя за уши). А они – плохо».

Вопрос: «Я корреспондент болгарской газеты. Скажите, существует ли такая же степень родства

между разными дагестанскими языками, как, например, между болгарским и русским?»

Абуталиб отвечает: «Болгарский и русский языки – родные братья. А наши языки даже не четвероюродные. Совсем нет одинаковых слов. Среди писателей наших бывает некоторая групповщина, но в языках никакой групповщины нет. Каждый сам по себе».

Вопрос: «Каким другим языкам родственны ваши языки, к каким языковым группам относятся?»

Абуталиб отвечает: «Таты говорят, что понимают таджикский язык и могут читать Хафиза. Но я их спрашиваю: если вы понимаете язык Саади и Хайяма, почему же не пишете, как они?»

Раньше во время сватовства говорили, расхваливая жениха: «Он знает кумыкский язык», – и это значило, что жених очень знающий человек, с таким не пропадешь».

В самом деле, понимая по-кумыкски, поймешь турецкий, азербайджанский, татарский, балкарский, казахский, узбекский, киргизский, башкирский и многие другие родственные между собой языки. Можно без переводов читать Хикмета, Кайсына Кулиева, Мустая Карима... Но мой язык! За исключением нас самих, лакцев, его понимают разве лишь ученые, которые посвятили ему многие годы ради докторской диссертации.

Один известный лакец обошел весь мир, попал в Эфиопию, сделался там министром. Он утверждал, что не встретил на своем пути ни одного языка, похожего на наш, лакский.

Омар-Гаджи: «И наш аварский не похож ни на один язык».

Абуталиб: «Нет языков, похожих и на даргинский, лезгинский, табасаранский».

Вопрос: «Как вы освоили все эти непохожие языки?»

Абуталиб: «В свое время я много скитался по Дагестану. Людям нужна была песня, а мне нужен был хлеб. Когда заходишь в чужой аул и не знаешь языка, даже собаки злее набрасываются. Нужда заставила меня узнать наши дагестанские языки».

Вопрос: «Но все же нельзя ли подробнее рассказать о признаках родства и различия между языками? И как получилось, что в такой маленькой стране такие разные языки?»

Абуталиб: «О различии и родстве наших языков написано много книг. Я не ученый, но расскажу, как я это себе представляю. Вот тут сидим мы. Иные из нас родились и выросли в горах, другие – на равнинах. Одни – в холодных местах, другие – в теплых местах, одни на берегу реки, другие – на берегу моря. Одни – там, где есть поле, но нет быка, другие – там, где есть бык, но нет поля. Одни родились

в местах, где есть огонь, но нет воды, другие – где есть вода, но нет огня. Там мясо, тут – хлеб, а там еще – фрукты. Там, где хранится сыр, развелись и крысы, там, где пасутся бараны, развелись волки. Кроме того – история, войны, география, разные соседи, природа.

Слово «природа» у нас имеет два значения. В одном случае – земля, трава, деревья, горы, в другом – характер человека. Разная природа в разных местах способствовала появлению разных имен, законов и обычаев.

В разных местах по-разному носят папаху, по-разному одеваются, по-разному строят дома. Над колыбелями поют разные песни. Махмуд пел свои песни, играя на пандуре из двух струн. Пандур Ирчи Казака имел три струны. Лезгин Сулейман Стальский играл на таре. Струны для одних инструментов делали из козьих кишок, для других – из железа.

Народов много, и у каждого народа свои обычаи. Как и везде. Родится человек. У одного народа младенца крестят, у другого – обрезают, у третьего – выправляют ему свидетельство о рождении. Становится человек совершеннолетним – другие обычаи. Сватают ему девушку... Впрочем, сватовство – это уже обычай. Я хотел сказать – женится человек – вступают в силу третьи обычаи. Чтобы рассказать о свадебных дагестанских обрядах, не хватит и дня. Кто захочет, тому мы подарим книгу «Обычаи народов Дагестана». Вернетесь домой, почитаете.

Вопрос: «Обычаи разные, что же в таком случае вас сближает, роднит?»

Абуталиб: «Дагестан».

Вопрос: «Дагестан... Нам сказали, что в переводе это слово означает «Страна гор». Значит, Дагестан – это просто название местности?»

Абуталиб: «Не местности, а Родины, республики. Это слово едино для тех, кто живет высоко в горах, и для тех, кто живет в долинах. Нет, Дагестан – это не просто географическое понятие. У него есть свое лицо, свои желания, своя мечта. Есть общая история, общая судьба, общие горести и радости. Разве боль в одном пальце не касается другого пальца? Есть у нас и такие общие слова, как Октябрь, Ленин, Россия. Эти слова не надо даже переводить на каждый язык. Они понятны и без того. Много у нас, писателей, бывает разных споров. Но по этим трем словам у нас нет никаких разногласий. Вам понятно?»

Вопрос: «Это нам понятно. Но вот что я хочу спросить. Сегодня в одной из газет я прочитал стихотворение Адалло Алиева. На русский язык его перевел Анатолий Заяц. Там сказано, что это перевод с дагестанского. Что это за язык?»

Абуталиб: «Этого языка я тоже не знаю. Вчера я видел Адалло Алиева и разговаривал с ним. Вчера

еще он был аварцем. Не знаю, что с ним такое случилось. Но успокойтесь, это просто ошибка».

Вопрос: «У нас в Америке тоже много разных национальностей и языков. Но основной, государственный язык – английский. На нем ведется все делопроизводство, вся документация. А у вас? Какой язык у вас является основным?»

Абуталиб: «Для каждого человека основным является язык его матери. Кто не любит свои горы, тот не способен любить чужие равнины. Счастье, которого не нашел дома, на улице не найдешь. Тот, кто наплевал на свою мать, наплюет и на чужую женщину. Все пальцы на руке являются основными, когда нужно крепко держать саблю или крепко пожать руку друга».

Вопрос: «Я прочитал поэму Муталиба Митарова. В ней он утверждает, что он не аварец, не тат, не табасаранец, не дагестанец. Что вы на это скажете?»

Абуталиб (поискав глазами Митарова): «Слушай, Митаров, то, что ты не аварец, не кумык, не тат, не ногоец, не лезгин, я давно знал. Но что ты и не табасаранец, я слышу впервые. Кто же ты?»

Завтра ты, может быть, напишешь, что ты и не Муталиб, и не Митаров. Вот я, например, Абуталиб Гафуров. Я, во-первых, лакец, во-вторых, дагестанец и, в-третьих, поэт Страны Советов. Или можно считать наоборот: во-первых, я советский поэт, во-вторых, я живу в республике Дагестан, а в-третьих, я по национальности лакец и пишу на лакском языке. Это все во мне нерасторжимо. Это мое самое дорогое сокровище. Ни от одного из них я не хочу отказываться. За это я пойду в огонь».

Вопрос (корреспондент из ГДР): «Вот я держу в руках книгу кандидата медицинских наук товарища Аликишиева. Называется она «Долголетие в Дагестане». Здесь он пишет о людях, живущих больше ста лет, и доказывает, что по долголетию Дагестан занимает первое место в Советском Союзе. Но дальше он утверждает, что наблюдается постепенное сближение наций и что уже существуют перспективы для создания единой нации в Дагестане. Через несколько лет будто бы и аварец, и даргинец, и ногоец будут считать себя дагестанцами и так и напишут в паспорте. Я читал также статьи еще одного вашего ученого, который утверждал, что литература ваша уже ломает границы народностей и становится общedaгестанской литературой. Поскольку кандидаты и доктора наук поднимают такие вопросы в своих книгах и статьях, значит, вопросы эти важные и глубокие?»

Абуталиб: «Товарища Аликишиева я тоже знаю. Он родом из нашего района. Этот ученый обошел многих стариков, чтобы они рассказали ему о своей жизни. Но идею создать из всех народностей одну вряд ли подсказал ему кто-нибудь из почтен-

ных старцев. Это плод его собственного ума. Немало я видел таких «мичуринцев», которые в своих «лабораториях» пытались выращивать гибриды, скрещивая разные языки и производя над ними разные опыты, как над кроликами. Собирались объединить в один театр семь национальных дагестанских театров. Пытались сделать одну газету из пяти национальных дагестанских газет. Собирались многие писательские секции нашего Союза писателей слить в одну, но это все равно что ветвистое дерево превратить в прямой ствол».

Вопрос: «Я корреспондент индийской газеты. У нас в Индии тоже есть много языков: хинди, урду, бенгали... Некоторые националисты хотели, чтобы именно их язык сделался государственным языком всей Индии. Были из-за этого споры и даже кровавые столкновения. Не происходит ли нечто подобное и у вас?»

Абуталиб: «Подобный спор произошел однажды и у нас между двумя мальчиками. Два мальчика – аварец и кумык – ехали на одном осле. Аварский мальчишка кричал: «ХIа! ХIа! ХIама!». А кумыкский мальчишка кричал: «Эш! Эш! Эшек!» И то и другое слово означает «осел». Но мальчишки так рассорились, что в конце концов оба упали с осла и остались без хIама и без эшека. По-моему, это детский спор. Мы наши языки не превращаем в волков. Они у нас не грызутся. У нас так еще говорят: «Домашний глупец хулит своих соседей, аульский глупец хулит соседние аулы, национальный глупец хулит другие страны». Тот, кто говорит плохо о другом языке, у нас не считается человеком».

Вопрос: «Значит, вы хотите сказать, что по этому вопросу у вас не было ни споров, ни недоразумений?»

Абуталиб: «Споры были. Но всерьез на наши языки никто и никогда не посягал. И на наши имена тоже. Пусть каждый пишет, читает, поет, разговаривает на том языке, на каком хочет. Спорить можно, доказывая, что вот это плохое или хорошее, правильное или неправильное, красивое или уродливое. Но разве могут языки и целые народы или народности быть неправильными, плохими или уродливыми? Если бы и были споры на эту тему, то в таких спорах не было бы ни победителей, ни побежденных».

Вопрос: «И все же, разве не лучше, если бы в Дагестане была одна нация и один язык?»

Абуталиб: «Так многие говорят: «Ах, если бы нам один язык!» Хромой Ражбадин во время одного набега на Грузию сказал царю Ираклию: «Вся эта беда произошла оттого, что мы не знаем языка друг друга». Хаджи-Мурат писал из Хайдака-Табасарана своему имаму: «Мы друг друга не поняли».

Конечно, лучше, когда люди легко и с первого слова понимают друг друга. Многое было бы проще,

многого мы бы добились с меньшим трудом. Но, по моему, совсем неплохо, если в семье много детей. Семья должна заботиться о каждом из них. Редкие родители раскаиваются потом, что у них много детей.

Одни говорят: «Ну, кому нужен наш язык за пределами Дербента? Все равно нас никто не поймет».

Другие говорят: «Куда годится наш язык за Араканским перевалом?»

Третьи жалуются: «Наши песни не долетят и до моря».

Но они слишком торопятся сдавать в архив свою родную речь.

Вопрос: «Что вы скажете о консолидации?»

Абуталиб: «Консолидация нужна между чужими и даже чуждыми людьми. Братьям консолидация ни к чему».

Вопрос: «Однако, чтобы брат говорил с братом, нужен им один язык».

Абуталиб: «Такой язык у нас есть».

Вопрос: «Какой?»

Абуталиб: «Тот, на котором мы теперь разговариваем с вами. Русский язык. Его понимают и аварец, и даргинец, и лезгин, и кумык, и лакец, и тат, его понимают все. (Показывает на портреты Лермонтова, Пушкина, Ленина). С ними мы хорошо понимаем друг друга».

Вопрос: «Я читал двухтомник Расула Гамзатова. В первом томе, в стихотворении «Родной язык», он прославляет язык аварский, а во втором томе, в стихотворении с таким же названием, он прославляет язык русский. Разве можно одновременно сидеть на двух конях? Какому Гамзатову мы должны верить: из первого тома или из второго?»

Абуталиб: «На этот вопрос пусть отвечает сам Расул».

Расул: «И я думаю, что нельзя сидеть одновременно на двух конях. Но двух коней в одну арбу запрячь можно. Пусть тянут. Два коня – два языка везут вперед Дагестан. Один из них русский язык, а другой наш: для аварца – аварский, для лакца – лакский. Мне дорог и мой родной язык. Мне дорог и второй родной язык, который через эти горы, по этим горным тропинкам вывел меня на простор земли, в большой и богатый мир. Родное я называю родным. По-другому я не могу».

Вопрос: «В связи с этим я хочу еще спросить Расула Гамзатова. В своем стихотворении он пишет: «Если аварскому языку суждено умереть завтра, то пусть уже сегодня я умру от разрыва сердца». Но у вас и так говорят: «Когда подходит старший, младший должен встать». Вот подошел русский язык. Не должны ли местные языки уступить ему свое место? Разве не к этому идет дело? Говоря вашими сло-

вами: нельзя носить на голове сразу две папахи. Или зачем брать в рот сразу две сигареты?»

Расул: «Языки – не папахи и не сигареты. Язык не враждует с языком. Песня не убивает песню. Оттого, что в Дагестан пришел Пушкин, Махмуд не должен покидать родные края. Лермонтову незачем подменять Батырая. Если хороший друг пожал твою руку, рука твоя не исчезнет в его руке. Она станет только теплее и крепче. Языки не сигареты, а светильники жизни. У меня два светильника. Один освещал мне путь из окна отцовской сакли. Он был зажжен моей мамой, чтобы я не заблудился. Если этот светильник погаснет, действительно, погаснет и моя жизнь. Она погрузится во тьму, если даже я физически не умру. Вторым светильником зажжен моей великой страной, моей большой Родиной, Россией, чтобы я не заплутался по дороге в большой мир. Без него моя жизнь будет темна и ничтожна».

Абуталиб: «Как легче поднять камень: с плеча одной рукой или с груди двумя руками?»

Вопрос: «И все же горцы покидают те сакли, где их мамы зажгли светильники, и переселяются на равнину?»

Абуталиб: «Но, переселяясь, они берут с собой и свой язык, и свои имена. Не забывают взять и папаху. И свет в их окнах горит тот же самый».

Вопрос: «Но в новых местах юноши часто женятся на девушках другой народности. На каком языке говорят? И на каком языке потом говорят их дети?»

Абуталиб: «Есть у нас старый рассказ: влюбился юноша в девушку другой народности и решил на ней жениться. Девушка сказала: «Я выйду за тебя замуж, но сделай для меня сто дел». Начал юноша выполнять ее капризы. Сначала она заставила его залезть на скалу без единого выступа. Потом спрыгнуть с той скалы. Юноша спрыгнул и повредил ногу. Тогда, третьим делом, она заставила его не хромать. Хорошо, перестал хромать. Разные там были задачи: и переплыть реку, не замочив хурджуна, и остановить скачущего коня, и поставить коня на колени, и даже разрубить яблоко, которое невеста положила на собственную грудь... Выполнил юноша девять дел. Осталось одно. Тогда девушка сказала: «А теперь забудь свою мать, своего отца, свой язык». Тут юноша вскочил на коня и ускакал навсегда».

Вопрос: «Это красивая сказка. А как в действительности?»

Абуталиб: «В действительности, когда юноша и девушка начинают супружескую жизнь, они берут на себя многие обязательства. Но никто не обязывает другого забыть свой язык. Наоборот, каждый старается узнать язык другого».

В действительности с грустью и осуждением мы смотрим на детей, не знающих языка родителей. Вскоре и дети начинают упрекать отца и мать за то, что не учили их своему языку. Печальные люди.

В действительности вот мы сидим перед вами. Вот наши стихи, рассказы, повести, наши книги. Вот наши газеты и журналы. На разных языках издаются они. И с каждым годом издается их все больше и больше. Огромная страна не оттолкнула наши языки. Она узаконила, утвердила их, и они засияли, как звезды. «И звезда с звездой говорит». Мы видим других, другие видят нас. Если бы этого не было, то и вы бы о нас ничего не слышали, не интересовались бы нами. Не было бы и этой встречи. Вот что происходит в действительности...

Вопросы – ответы, вопросы – ответы. Было бы время, эта конференция, казалось, не кончилась бы никогда. У всех народов и во все времена велись и ведутся разговоры о языке, но конца этому разговору не видно.

– Эта пресс-конференция похожа на наши игры-хороводы, где одни отвечают, другие спрашивают, – сказал Абуталиб, вконец измученный столь непривычным ему собранием.

Вопрос – стрела, пущенная на удачу, куда-нибудь. Ответ – стрела, попадающая в мишень. Вопрос – ответ. Вопросительный знак – восклицательный знак. Прошлое – вопрос, нынешнее – ответ.

Старый Дагестан был похож на старушку, сидящую на камне. Он был вопросительным знаком. Сегодняшний Дагестан – восклицательный знак. Он – сабля, выхваченная из ножен и вскинута кверху.

Когда в Дагестан пришла революция, испугавшись ее говорили, что скоро исчезнут нации, языки, имена, цвета. Меседу превратится в Марусю, а Муса станет Васей. Говорили, что человеку некогда будет даже подумать о том, какой он нации и откуда он. Уложат всех под общее одеяло. А потом более сильные перетянут одеяло к себе, а более слабые будут мерзнуть.

Дагестан не стал слушать этих людей. Член горского правительства Гайдар Баматов, поднявшись на палубу парохода, увозящего его за границу, сказал: «Не приняли их души мои слова. Посмотрим, что будет потом».

Что произошло потом, все видят. Об этом написано в книге, спето в песнях. Имеющий уши – да услышит, имеющий глаза – да увидит.

Один горец, испугавшийся общего одеяла, покинул Дагестан и уехал в Турцию. Спустя пятьдесят лет он приехал к нам в горы, чтобы посмотреть, что у нас делается. Я пригласил его прогуляться по Махачкале. Бывший Порт-Петровск. Город, носивший имя русского царя, стал носить имя дагестанского революционера Махача. Я показывал гостю улицы, носящие имена Батырая, Уллубия, Капиева, улицы, названные в честь сынов Дагестана. Гость долго смотрел на памятник Сулейману Стальскому в прибрежном сквере. На улице Ленина он увидел памятник моему отцу Гамзату Цадаса. До эмиграции он, оказывается, знал моего отца.

Его приняли ученые филиала Академии наук. Разговаривал он с сотрудниками Научно-исследовательского института истории, языка и литературы. Он ходил по залам Музея дагестанской истории и искусства. Побывал в университете, где на пятнадцати факультетах учатся молодые горцы и горянки. Вечером мы пошли в Государственный аварский театр. В аварском театре, названном именем аварца, аварцы смотрели пьесу, написанную аварцем об аварке. Это была пьеса Гаджи Залова «Анхил Марин». Когда песню Марин, старую аварскую песню, спела на сцене народная артистка РСФСР Патимат Хизроева, мой гость не выдержал, и глаза его увлажнились.

На площади он долго стоял перед памятником Ленину. Потом он проговорил:

– Не во сне ли я?

– Этот сон расскажите аварцам в Турции.

– Не поверят. Я и сам бы не поверил, если бы не увидел своими глазами.

Абуталиб сказал так: «Первый раз я срезал тростник, сделал свирель и заиграл на ней. Голос моей свирели услышал аул. Потом я срезал древесную ветвь, сделал дудку и заиграл другую песню. Меня услышали далеко в горах. Потом я срезал дерево, сделал зурну, и голос ее услышали все в Дагестане. Потом я взял маленький карандаш и написал стихотворение на бумаге. Оно улетело за пределы Дагестана».

Итак, еще раз спасибо тебе, раздаватель языков, спасибо за то, что не обошел наши горы, наши аулы, наши сердца.

Спасибо и всем вам, кто поет и думает на своих родных языках.

